

Старшая невестка фыркнула, очистила апельсин и протянула его У Гуансюю:

— Кажется, ты говоришь так, будто мы с мужем и не думаем о Тан Лине.

— Не дразнь Тан Лина, апельсин и правда сладкий, — У Гуансюн подтолкнул старшую невестку, заставляя её чистить ещё один, затем обернулся к Тан Линю. — У Ачао в семейном бизнесе наверху не хватает людей, надо присматривать, поэтому в этом году они не вернулись.

— Четвёртая сестра пошла с дядей за продуктами, а её муж в этом году тоже не приехал, не знаю, чем он там занят в Чжоу, — У Гуансюн вытащил несколько салфеток, небрежно вытер руки и снова сел за маджонг. — Давайте-давайте, продолжим партию.

— Не доиграешься до смерти, сегодня ночью мы сражаемся до утра, никто не уйдёт, — вторая невестка запустила руку в маджонгные костяшки на столе; в голосе слышалось пренебрежение, но руки двигались быстрее всех.

— В этой партии ставка — один юань, — тётя Сюй Инди тоже быстро присоединилась.

Тан Линь покачал головой, глядя на этих людей, охваченных маджонгом, затем взглянул на настенные часы и обернулся к Су Чжи:

— Хочешь прогуляться? До ужина ещё есть время.

Су Чжи кивнул в согласии. Ему не было интересно оставаться здесь и слушать, как родственники Тан Лина кричат и шумят.

Вторая невестка, увидев, что они собираются спуститься, крикнула вдогонку:

— Тан Линь, если увидишь снаружи этих малышей, позови их домой обедать.

Видимо, племянники и племянницы резвились на улице. Тан Линь ответил:

— Хорошо.

И повёл Су Чжи вниз.

Спустившись, они случайно встретили старшую тётю Се Янь. Услышав, что Тан Линь собирается прогуляться с другом, она лишь мягко напомнила вернуться пораньше к ужину и отпустила их.

В городке Утун особо нечем было заняться, развлекательные заведения начали появляться только через пару лет. Тан Линь помнил, что через год или два здесь построят каток и караоке. Тогда он водил туда племянников и племянниц. После игр дети требовали молочный чай, который в то время был очень популярен среди них. Рядом с катком была целая улица, застроенная чайными.

Но в то время в провинциальных городах молочные чайные и караоке ещё не дошли до Утуна, поэтому Тан Линь мог только водить Су Чжи вокруг, гуляя без особой цели. Су Чжи не скучал, ведь он никогда раньше не думал, что будет так гулять с Тан Лином.

— Я помню, в детстве по этой дороге недалеко был маленький театр, не знаю, сохранился ли он сейчас, — Тан Линь боялся, что Су Чжи станет скучать, поэтому долго думал, прежде чем вспомнить место в Утуне, где было хоть сколько-нибудь весело.

— Я был там раза в два-три, и то с мамой. Это было вечером, мы захватили стулья и с трудом протиснулись вперёд. Честно говоря, я до сих пор не знаю, что играли на сцене, но мне было безумно интересно, в кульминационные моменты я хлопал вместе со всеми, было очень шумно. Мама взяла веер и обмахивала меня...

— На сцене играли что-то вроде пекинской оперы, дети, конечно, ничего не понимали, просто считали, что актёры в красивом гриме и костюмах, а в кульминации кричали вслед за взрослыми. Снаружи торговали семечками, сливами и газировкой, бизнес шёл бойко. Кузены не могли усидеть на месте, да и проголодались, поэтому убегали перекусить...

— А потом по возвращении домой мой дядя их отшлёпал за то, что они транжирят деньги. Я до сих пор помню, как они ревели в три ручья: слёзы и сопли текли ручьём. Каждый год, когда мы возвращаемся, дядя и тётя вспоминают этот случай, а братья ни в какую не признаются...

Тан Линь шёл впереди, а Су Чжи следовал за ним. Тан Линь рассказывал о своих детских забавах в Утуне, а Су Чжи слушал внимательно. Перед его глазами стройный юный Тан Линь постепенно превращался в маленького мальчика, который бегал среди толпы, держась за руку молодой матери.

Задумавшись, Су Чжи не заметил приближающийся велосипед. Тан Линь обернулся и резко потянул его к себе.

Велосипедист ругнулся и уехал. Тан Линь, увидев, что с Су Чжи всё в порядке, выдохнул с облегчением.

— Су Чжи, ты в порядке? — Тан Линь схватил руки Су Чжи и внимательно осмотрел его.

Су Чжи смотрел на Тан Лина, который уже почти перерос юношескую незрелость, и на мгновение замер.

Тан Линь подумал, что он испугался, и вновь забеспокоился, ругая себя за невнимательность. Оглянувшись, он заметил, что время близилось к ужину, и на улице было мало людей. Подумав, он решительно взял за руку Су Чжи с чётко очерченными костяшками.

— Я в порядке!

Боясь, что кто-то увидит, Су Чжи попытался высвободиться, но Тан Линь только крепче сжал его руку.

Тан Линь, увидев его напряжённость, улыбнулся:

— Не волнуйся, дойдём до перекрёстка и отпущу. Сейчас никто не видит, всё нормально.

Су Чжи почувствовал, что его ладони вспотели, и перестал сопротивляться. Напряжённо глядя вперёд, он пытался отвлечься.

Эти сто метров казались невероятно долгими, возможно, это было их воображение, а может, они просто этого хотели. Но сто метров — это всего лишь сто шагов для двух взрослых мужчин.

Тан Линь, как и обещал, отпустил руку Су Чжи на перекрёстке. Су Чжи выдохнул с облегчением, но в то же время почувствовал лёгкое разочарование, непроизвольно сжимая руку, которая всё ещё сохраняла тепло.

Театр Утуна имел уже двадцатилетнюю историю. Когда Тан Линь и Су Чжи подошли к нему, они увидели лишь полуразрушенное здание, крыша была снята, занавес свёрнут и брошен в углу, а сцена покрыта пылью.

Тан Линь почесал нос и извинился перед Су Чжи:

— Кажется, смотреть не на что.

— Ничего, — Су Чжи покачал головой. Ему казалось, что это тоже было хорошо, как будто время вернулось назад, и он смог прикоснуться к детству Тан Лина.

Су Чжи боялся, что его ответ покажется Тан Лину поверхностным, поэтому, подумав, он серьёзно посмотрел на него:

— В провинции тоже много театров.

Тан Линь сразу понял, что он имел в виду, и на его губах появились ямочки:

— Пойдём вместе?

— Я сейчас же попрошу секретаря Цяо заказать билеты, — Су Чжи моргнул и уже потянулся за телефоном.

— Нет-нет-нет, — Тан Линь поспешно остановил действия Су Чжи. Во время праздника Весны, наверное, ни один театр не будет открыт...

Су Чжи тоже подумал об этом. Хотя ему очень хотелось сказать, что он может позвонить знакомому владельцу театра, он боялся, что Тан Линь посчитает это слишком легкомысленным, поэтому решил не настаивать. Мысль о том, что они не смогут сразу пойти в театр, вызвала у него лёгкое разочарование.

Однако это разочарование быстро сменилось другой, более насущной проблемой.

Солнце уже медленно садилось, и до того, как они лягут спать вместе, оставалось всего три-четыре часа.

По дороге обратно они встретили племянников и племянниц. Ужин готовил второй дядя У Фаню, а старшая тётя Се Янь помогала ему. Четвёртая сестра, боясь, что Тан Линь и Су Чжи проголодаются, дала им несколько печений.

Около семи вечера, когда блюда были готовы, взрослые сели за стол, а старшие дети с мисками побежали на второй этаж смотреть телевизор. Некоторые невестки тоже не сели за стол, так как нужно было ухаживать за двух-трёхлетними племянниками и племянницами, кормить их кашей.

Четвёртая сестра всегда больше всех любила Тан Лина, увидев его, она всё время кричала:

— Похудел! Похудел!

За ужином она положила ему два больших куриных окорочка. Тан Линь съел один, а второй отдал Су Чжи. Су Чжи на самом деле не очень любил курицу, но всё же молча съел окорочок, который дал ему Тан Линь.

В доме дяди Тан Линь не вёл себя так, как в деревне Тан. Он не кормил Су Чжи, как раньше, но

запомнил, какие блюда тому понравились, и время от времени подкладывал их ему. Хотя Тан Линь был более сдержан в своих действиях, тётя Сюй Инди, наблюдая за ними, всё же не могла удержаться от замечаний. Ей казалось, что Тан Линь и Су Чжи — не просто друзья.

В деревне не было привычки молчать за едой, все разговаривали, пока ели. Когда все наелись, было уже около восьми вечера. Невестки уже повели детей мыться, а Тан Линь повёл Су Чжи на третий этаж, в комнату, где они должны были спать.

В следующей главе они лягут спать вместе =3=

<http://bllate.org/book/16579/1514788>